

Слава как одуванчик

Ей довелось на своём веку встретиться с главой Временного правительства Керенским, с двумя верховными главнокомандующими русской армией – Брусиловым и Корниловым.

«Русскую Жанну д'Арк», как называли её за кордоном, официально принимали президент США Вудро Вильсон и английский король Георг V. Все они отмечали силу духа этой неординарной женщины.

Марию Бочкарёву куда-то знал весь мир. Репортёры наперебой брали у неё интервью, за ней по пятам ходили фотографы, журналы помещали на обложках её фотопортреты. Одни её любили, другие – даже ненавидели. На долгие годы после войны в памяти соотечественников остались лишь презрительные строчки Маяковского о «дурах бочкарёвских»...

Крестьянка по происхождению

В 1889 году в крестьянской семье Фроловых (Новгородской губернии) родился третий ребёнок – дочь Маша. Отец Марин пил горькую и нещадно бил жену. В это время правительство бесплатно раздавало крестьянам землю в Сибири. Отец решил попытать счастья на новом месте. Землю, действительно, получили, но поднять целину на таком участке не смогли. Семья осела в Томской губернии и жила в бедности. С восьми лет Маша уже служила «в людях» – нянчила чужое дитя, работала в бакалейной лавке, жила в прислугах в семье военного. «Маленькая мужичка» – называли её хозяева.

На шестнадцатом году её соблазнил молодой офицер, сын хозяина, обещал ей жениться... Отец Марин, когда узнал об этом, чуть не убил дочь. Он пил всё больше, становился всё более жестоким. Замужество было единственным средством спасения, и Мария готова была пойти хоть за черта. И он явился.

Замужем за «чёртом»

В Томске в книге Воскресенской церкви сохранилась такая запись от 22 января 1905 года: «Первым браком Афанасий Сергеевич Бочкарёв, 23 лет, православного вероисповедания, проживающий в Томской губернии, Томском уезде Семилужской волости деревни Большое Кусково, взял в жёны девицу Марию Леонтьевну Фролову, православного вероисповедания...».

Афанасий Бочкарёв был старше Марии на семь лет, груб и неразвит, только что вернулся с русско-японской войны. Вскоре после свадьбы Мария узнала, что муж, как и отец, тоже пьёт, срывается в запой. Семейная жизнь их почти сразу не заладилась: муж хозяйствовать и зарабатывать на жизнь не умел и не любил, он не только сильно пил, но и стал поколачивать юную жену. Бочкарёвы разгружали баржи на Оби, потом устроились укладчиками асфальта. Мария очень быстро вникла в тонкости дела. Здесь впервые проявились её организаторские способности. Очень скоро Бочкарёву назначили помощником десятника, под её началом трудилось 25 человек. А муж так и оставался чернорабочим. Он по-прежнему избивал жену и пропивал все деньги.

И Мария взяла на себя роль кормилицы-добытчицы. Молодая женщина отправилась на строительство железной дороги. Платили и там немного, но и эти гроши отбирал муж и пропивал. Кончилось тем, что Мария сбегала от него. Решила бежать к сестре в Барнаул. Но без документов это было невозможно. В то время женщина могла получить паспорт только с разрешения мужа. Мария взяла паспорт матери, но на пристани была остановлена жандармским офицером. Через некоторое время муж разыскал Марию, воротил домой, и её

мучения возобновились. Она и топилась, и пыталась зарубить ненавистного мужа топором, только чудом осталась жива и не сделалась убийцей.

Второй побег от мужа оказался удачнее, Мария оказалась в Иркутске и там занялась на знакомую работу – мостить дороги бетоном и асфальтом. Скоро под её началом трудилось двадцать пять человек. Её свалила сильная простуда, несколько месяцев Бончарёва лежала в больнице. После излечения осталась без денег и работы. В конторе по найму ей предложили место прислуги в городе Сретенске. Приехав в указанный дом, Мария поняла, что её обменным путём завлекли в бордель.

Денег на дорогу не было, да и куда ещё бежать? Её спас сын местного торговца мясом Яков (Янхель) Бук. Он забрал Марию из борделя, и они стали жить гражданским браком – разгорелся бурный роман.

Роковая любовь

Обоим было едва за двадцать, но оба уже повелили жизнь. У Яши была страсть – карты. Однажды, чтобы расплатиться с долгами, он вступил в банду кучукара, участвовал в налёте на поезд, был арестован и чудом избежал тюрьмы. Мало того, он и с революционерами знался, укрывал нелегалов и беглых. Кончилось это тем, что Якова арестовали за укрывательство белого преступника и отправили в мае 1912 года в якутскую ссылку.

Мария пешком пошла за своим гражданским мужем. Как декабристка, последовала за Яшкой по этапу. Но в ссылке Яков опять начал играть. Карты были излюбленным развлечением богатых якутов и золотодобытчиков. В Якутске Яков продолжал заниматься прежними делами – скупал краденое и даже участвовал в нападении на почту. Его вновь осудили и выслали в глухое якутское селенце Амма – на край света, где кроме нескольких ссыльных жили эскимосы. В посёлке Амма Мария оказалась единственной русской женщиной. Она взяла на себя все бытовые хлопоты, создала в посёлке баню, стирку белья. Вместе с Яшкой завела мелкую торговлю. Но Яков не оценил подвига самопожертвования любящей его женщины и вскоре начал пить и избивать Марию. Мария уже не раз задумывалась, за что ей такое мучение? Казалось, нет выхода из замкнутого круга.

А шёл уже 1914 год. Если уж суждено пролечь, то хоть бы не зря! Вот и надумала Мария податься в солдаты: «У солдата есть оружие, чтобы бороться за собственную жизнь, а у женщины...». Скорее всего, именно это послужило причиной её решительного поступка – бегства от Яшки и возвращения в Томск.

Отчаянный шаг

И до Кольмы, хоть и с опозданием, докатилась весть, что началась война с Германией и Австро-Венгрией. Мария решила пойти солдатом в действующую армию. Впоследствии она вспоминала, что у неё сразу возник план: идти на войну, отличиться в боях и просить затем о помиловании Якова. Так или иначе, Мария Бончарёва ушла пешком через тайгу и джунгли, добралась до Томска. Придя в штаб резервного батальона, расквартированного в Томске, она заявила о своём желании стать в строй.

Шёл ноябрь 1914 года. Мария нашла в Томске командира резервного батальона, потребовала, чтобы он «записал её в солдаты» и отправил на фронт. Тот, как и другие, вновь посоветовал ей записаться в Красный Крест и отправиться на фронт в качестве сестры милосердия или попросить другую вспомогательную службу. Мария подкарауливала его в засадах, умоляла, рыдала. Тогда командир, то ли в шутку, то ли всерьёз, предложил послать телеграмму царю. Только царь, мол, может отменить свой закон, а заодно и закон природы. И Бончарёва совершила отчаянный шаг – отправила на имя императора телеграмму. Телеграмма обошлась ей в целых восемь рублей, да и те ей пришлось занять. Она просила разрешить ей «послужить во славу Отечества».

И вскоре в Томск пришло послание от Николая II. Он выражал своё одобрение и повелевал зачислить женщину в строй как солдата. Для Марии было сделано исключение. «Это был самый счастливый момент в моей жизни», – вспоминала она. Так осенью 1914 года после высочайшего приказа Мария Бончарёва была принята в армию. Крестьянка Томской губернии поступила рядовым в запасной Томский батальон.

Рядовой солдат Мария Бочкарёва

Так в списках батальона появился «рядовой Бочкарева», было ей 25 лет. Её остригли под машинку, и Мария превратилась в мальчишку. Ей выдали две пары нижнего белья (разумеется, мужского), две пары обмоток, пару сапог, пару штанов, гимнастёрку, ремень, папаху, винтовку, два подсумка для патронов и, конечно, шинель. Её появление среди новобранцев вызвало взрыв хохота и насмешек. В казарме о ней уже слышали. Солдаты обступили Бочкарёву со всех сторон, толкали плечами, шипали: «Да никакая это не баба, а натуральный мужик!».

Всю первую ночь Бочкарева не сомнула глаз, отбиваясь от полопозвоений сослуживцев. Нашлись желающие проверить «на ощупь», а действительно ли этот неудобный солдат – баба? У Марии оказался не только твёрдый характер, но и тяжёлая рука: она с размаху била смельчаков сапогами, котелком, подсумком. Да и кулачок у асфальтоукладчицы не дамский.

Бочкарёва не жаловалась начальству, на учениях была в числе первых. Постепенно отношения наладились. Её начали уважать, а позднее – и гордиться ею, готовы были убить любого, кто покусится на честь их «Яшки» (такое прозвище дали однополчане). Солдаты часто звали друг друга не по именам, а по кличкам, Бочкарёва сама предложила: «Знаете что, зовите меня Яшкой!». Ясно, в память о Якове Бухе.

Вначале была недолгая учёба в тылу, а весной 1915 года Мария оказалась в окопах. Если до этого можно было говорить о каком-то капризе или желании бежать от бесысконной жизни, то её действия на передовой показали, что она – настоящий боец.

Проверка боем

Фронт проходил через нынешние Витебскую, Гродненскую, Минскую и Брестскую области. Здесь развернулись крупные боевые операции, и сотни тысяч солдат остались лежать здесь, теперь в белорусской земле. Мария Бочкарёва воевала под городом Сморгонь. Это единственный город на трёх фронтах от Балтийского до Чёрного морей, который долго и упорно (810 дней) обороняли русские войска. И не сдали его до самого перемирия. «Кто в Сморгони не бывал, тот войны и не видал» – такая после боя ходила поговорка. Под артиллерией и шквальным огнём пулемётов рота пошла в атаку. До провололочных заграждений дошли семьдесят солдат из двухсот пятидесяти. Русская артиллерия не сумела разбить вражеские заграждения. Не сумев преодолеть заграждения, солдаты повернули назад. Из отходивших семидесяти солдат до окопов дошли лишь около пятидесяти.

Свой боевое крещение Мария связала со столкновением «с самым бесчеловечным из всех германских изобретений» – с отравляющими газами. Из её воспоминаний: «Убийственный газ проникнул внутрь, вызывая в глазах острую резь и слёзы. Но мы же были солдатами матушки-России, чьим сыновьям не привыкать к душающей атмосфере, и поэтому мы сумели выдержать воздействие этих раздражающих газов».

На войне быстро тупеют и черствеют. А она не могла вынести стонков раненых товарищей на нейтральной полосе. Немного передохнув, как только стемнело, она поползла под немецкие пули и всю ночь до рассвета волоком перетаскивала раненых в траншею. Почти 50 человек спасла она в ту ночь, за что и получила Георгиевский крест 4-й степени. 8 июля 1915 года Мария снова участвовала в бою. Ночью на 9-е число была контужена и вывезена в лазарет Петрограда – на полтора месяца.

Бочкарёва быстро стала живой легендой полка. Она ходила в атаку, в разведку, участвовала в ночных вылазках, вытаскивала раненых под огнём, участвовала в штыковых атаках (не одного германца «зажала на штык»). К февралю 1917 года у неё было 4 ранения и 4 награды (2 георгиевских креста и 2 медали), на плечах погоны старшего унтер-офицера.

А иногда то, что она – женщина, даже помогало: когда попала в плен к немцам, удалось выдать себя за солдатскую жену.

Три раза за великую войну Мария побывала в Киеве. Один раз проездом, а остальные на излечение ран. Свой первое ранение в ногу она лечила в киевской больнице, превращённой в госпиталь. И каждое возвращение Марии в полк после ранений сопровождалось аплодисментами и бурной радостью всех солдат и офицеров.

ВОИТЕЛЬНИЦА-СИБИРЯЧКА

Публицистическо-краеведческий очерк

Мария Леонтьевна Бочкарёва (урождённая Фролова) – единственная женщина полный Георгиевский кавалер (4 ордена с бантом), получившая за храбрость ещё и 3 медали. Создала первый в истории российской армии женский батальон, мемуаристка. Судьба Марии Бочкарёвой необычна, даже авантюрна. Сначала жена пильницы-рабочего, подруга бандита... Затем неожиданный поворот: храбрый солдат-фронтовик, унтер-офицер и офицер русской армии, самая яркая героиня Первой мировой войны.

«Мой милый, если б не было войны...» Это о Второй мировой. А о Первой мировой ни песен, ни преданий нет у нас. Паровым катком prošлась советская эпоха.

А вот 103-летний Павел Григорьевич Молостов, ровесник моего прадеда, последний настоящий кержак нашей деревни, Второй мировой войны как-то и не заметил. Понятно, почему: умирал от голода в Нарыме, раскулачен был.

Я беседовал с участником первой мировой: мне тридцать лет, ему девяносто три. Памятью он прикован был к той германской. Тут вот что важно: он, старовер, мыслит историко-софски, по-своему видел религиозный смысл событий.

Выползли на свет гады и скорпионы, прежде по щелям таившиеся: «Долой!» и «Давь!» А кто даст, если «Бога нет»? Ясно, кто – бес. Та, мол, прошлые герои – ложные все, только наши, с кровью братоубийства на знамёнах, – только они истинные. И смели все ворота, и подавили самих себя. Не внешний враг победил тогда, сдали Родину внутреннему врагу. Брестский мир – калитулация на пороге победы.

Забить великую кровь! Как будто не с нами всё это случилось! Ведь были подвиги, были герои!.. «Не календарный, настоящий двадцатый век», по Ахматовой, началось с четырнадцатого года.

А потом, через поколения, была великая победа... но в ситуации национальной катастрофы. Наставило: без Ленина не было бы и Гитлера. Разошло Учредительное собрание и подло уничтожил Михаила Романова, в пользу которого отрёкся Николай, большевики сделали оба отречения недействительными. И создали ситуацию гражданской войны. И запустили машину беспамятества. Вот с каким духовным капиталом перешагнули мы рубеж тысячелетий. «Мы почему, Иван, такие-то?» Родства не помнящие?».

Поговаривают о нынешнем киносерiale, где главная героиня Мария Бочкарёва. В голливудском духе? Нынешний потребитель триллеров не склон до трагедии. Но, думаю, всё-таки потрясающая эта судьба пройдёт любого. Это же позор наш – не знать о великой землячке.

И сколько ещё незаслуженно забытых героев? Всё, что было во спасенье Отечества, вывернули канонанку, подменили, унижали. Где стыд и где слава?

Старый пасечник Молостов говорил: «Переворот, на что он похож? На бойный рой, когда матки не стало. Комком пчелы скрутятся, давят друг дружку и гадят, гадят на самих же на себя. А трутней скорей – в начальники».

Вот и у нас друзьями выставили национальных героев, а предателей – святыми. В урок ли нам это? Да, такие судьбы, как у Марии Бочкарёвой, скрепляют поколения, питают память. Ту самую, без которой нет нации.

А. Казаркин,
профессор ТГУ

Военные будни

Мария Бонкарева воевала героически уже в роли младшего унтер-офицера, ни в чём не уступая мужчинам. Хотя наступило лето, но полк стоял в болотистых местах, вода наполняла окопы. При наступлении зимы Бонкарева добровольцем ходила в разведку, «взвела на штык» германца. Штык застрял у него в живот, а немцы напировали. Бонкарева бросила в них гранату и побежала к своим. До окопа добрались живыми десять из тридцати разведчиков.

Зима выдалась суровая, в окопах невыносимой. Люди отмораживали руки и ноги, засыпали под снегом и уже не просыпались. Особенно тяжело бывало в дозоре, в аванпостах, где нельзя пошевелиться или позвать на помощь. Бонкарева тоже отморозила ногу, её отправили в госпиталь, дело шло к ампутации, но обошлось.

Уже во второй атаке Бонкарева была ранена в ногу. всю весну лежала в госпитале в Киеве – и снова на фронт. Но следующий бой вывел её из строя. Она оказалась раненой осколками в бедро и в бессознательном состоянии доставлена в лазарет.

Ещё в одном бою Бонкарева была контужена и отправлена в госпиталь. Захватывала пленных и сама побывала в плену, правда, всего несколько часов – свои отбили. Бонкареву произвели сначала в младшие, а затем в старшие унтер-офицеры и доверили командовать взводом.

Новый этап военной жизни

...И опять окопы, стужа, постоянное напряжение. В весеннем наступлении 1916 года полк с огромными потерями прорвал германский фронт, но... получил приказ отступить на исходные позиции. А Бонкарева была убеждена: нужно наступать, разбить германца, и тогда наступит мир. Так думали почти все в окопах и многие в тылу. Редкие солдаты знали, что сил для наступления всем фронтом нет, что Россия воеет на деньги союзников. Вой это оплачивалось жизнями сотен тысяч русских солдат. Бонкарева была ранена пять раз. Последнее ранение было особенно опасным – осколок снаряда задел в нижней части позвоночника. Мария долго была обездвигана, заново училась ходить.

В солдатской фуражке, с наградами и унтер-офицерскими погонами на линялой гимнастерке, в широких штанах и грубых сапогах, она гляделась мужчиной. По воспоминаниям современников, только её серые всегда грустные глаза были женственно красивыми.

Когда Яшка возвращалась на фронт зимой 1916 года, на железной дороге уже царил хаос. Солдаты в окопах утратили доверие к командованию, считали, что их просто ведут на убой. А в начале 1917 года уже распространились слухи о Распутине, его влиянии на царскую семью в интересах Германии.

Обстановка в стране

Февральскую революцию на фронте встретили восторженно. Рядовые были уравнены в правах с офицерами, созданы солдатские комитеты. Ликовала и Мария. А позднее писала: «Весь народ «был пьяный сердцем», «... все чего-то ждали. Хорошего чего-то». И ОНО случилось.

Disciplina в армии рыхлывалась, солдаты не исполняли приказы, дезертирство приобрело массовый характер. Ещё в госпитале сестра милосердия, меня Бонкаревой повсюду и обсуждая дезертирство на фронтах, воскликнула: «Мужчины – просто толпа трусов, опытная свобода». На фронте началось братание с немцами. Повсюду создавали комитеты, росла большевистская пропаганда, солдаты отказывались сражаться.

После падения монархии развал армии начался изданием зловещего приказа №1. Он устанавливал в армии полную демократию с подчинением всех воинских частей не офицерам, а своим выборным комитетам. Приказ опрокинул все армейские устои: в том числе военный трибунал и казнь за измену. Оружие офицеров передавалось в распоряжение солдатских комитетов.

К осени 1917 года боевой дух русской армии был уже на нуле. Позиции оставляли даже из-за редкого огня противника. Процветало мародёрство. Толпы солдат, нагруженных немецким хламом, уходили в глубокий тыл во время боёв для торговли немецкими вещами. На поле боя грабили своих же раненых товарищей. Солдаты целыми полками отказывались идти в атаку или шли только по решению местного солдатского комитета.

Когда 9 марта 1916 года в бою погиб ротный командир, Бочкарёва повела солдат в атаку и отбросила врага.

Однако после представления к следующему кресту она, как женщина, получила лишь медаль «За выдающуюся доблесть». В итоге она получила сначала Георгиевский крест, затем три медали. И уж после того Георгиевские кресты.

По всем фронтам пошли рассказы об отважной амазонке.

Слава ее росла не по дням, а по часам. Она стала одной из любимых тем русских газет.

«Боже праведный, – молилась я, – что же случилось с русским народом, что на него нашло?». Как же так: три года войны, столько жертв, и все зааря?! Агитирующих за «войну до победного конца» просто били. Накануне намеченного на апрель 1917 года контраступления агитация на фронте парализовала управление русской армией. Мария взывала к солдатскому долгу, чести и совести. Но солдаты перестали её слушаться – не желали умирать «за империалистов», Яшка перестала быть «своей», потому что она была с офицерами. А «начальство» её приметило. Её представили Родзянко, председателю Временного комитета думы, приехавшему выступать на фронте. «А не хотите ли захватить ко мне в Петроград, мой геройчик?» – предложил Родзянко. Бочкарёва согласилась. По дороге в Томск (в начале мая 1917 года) она захватила в Петроград и зашла к М.В. Родзянко.

Заигрывая с солдатской массой в демократию, Временное правительство в итоге не могло заставить дальше воевать граждан новой России. А. Керенский сам сказал в конце жизни: «Ничего бы этого не случилось, если бы расстреляли только одного человека». «Кого?» «Меня», – ответил Керенский.

И вот тогда, чтобы поднять боевой дух солдат, призывали в армию женщин, создали особый женский батальон и отправили его на фронт. Участие женщин в атаках (вместо дезертиров) должно было пробудить в солдатах-мужиках патриотическое чувство. Так Бочкарёва была втянута в политическую борьбу. «Когда Керенский провожал меня до дверей, взгляд его остановился на генерале Половцеве. Он попросил его оказать мне любую помощь. Я чуть не задыхнулась от счастья» – вспоминала Мария.

Военный совет 29 июня 1917 года утвердил положение «О формировании воинских частей из женщин-добровольцев». По замыслу Родзянко Мария должна была стать участницей серии пропагандистских акций за продолжение войны. Но Бочкарёва пошла дальше его замыслов: на одном из митингов она выдвинула идею создания «Ударного женского батальона смерти». Он была уверена, что вид слабых женщин с винтовками адножит деморализованное войско, и солдаты с новыми силами кинутся сражаться с врагом, прекратится дезертирство и разложение в армии.

Предводительница по призванию

Бочкарёву пригласили представить своё предложение на заседании Временного правительства. «Мне сказали, что моя идея великолепная, но нужно доложить Верховному Главнокомандующему Брусилову и посоветоваться с ним. Я вместе с Родзянкой поехала в Ставку Брусилова». Эта встреча предрешила судьбу Бочкарёвой.

Бруслов спросил Бонкарёву, надеется ли она на женщин. Не могут ли женщины, мол, осрамить Россию? Мария сказала, что сама она в женщинах не уверена, но если ей дадут полномочия, то она ручается, что её «батальон не осрамит России»... Бруслов сказал, что верит ей и будет всячески помогать в деле формирования женского добровольческого батальона.

Потом Родзянко повёз Марию в Таврический дворец, где заседали солдатские депутаты, и представил её, заметив, что Бонкарёва – крестьянка. Мария рассказала о своём нелёгком солдатском пути, о настроениях в окопах. 21 мая 1917 года на благотворительном вечере в пользу инвалидов войны в Мариинском театре она выступила с призывом к женщинам России встать в ряды 1-го Петроградского женского батальона смерти. «Гражданки, все, кому дороги свобода и счастье России, спешите в наши ряды, спешите, пока не поздно остановить разложение дорогой нам Родины». И ещё: «Женщина первая родила человека, и мы, женщины, должны первыми показать пример, как надо спасти родившуюся уже свободу».

В тот же вечер в театре началась запись женщин в батальон. Со всех сторон потянулись в Москву женщины и девушки. Ехали даже из Сибири и Украины. Невеста одного белобилетника послала своему жениху следующую записку: «Пока ты будешь пользоваться отсрочкой от призыва, я успею за тебя повоевать за Родину».

Женский патриотизм России

Военный совет 29 июня 1917 года утвердил положение «О формировании военных частей из женщин-добровольцев». По всей России, от Одессы до Владивостока, стали создаваться пехотные и кавалерийские женские части, правда, формирование многих так и не было завершено.

Формирование женских частей шло исключительно на добровольных началах. Женское движение было инициативой снизу. В женские ударные части поступали женщины из всех слоёв русского общества. Большой была доля солдаток и казачек. Шли записываться в женские военные батальоны и женщины, получившие образование – курсистки, со средним образованием. Были студентки из разных провинциальных учебных заведений, выпускницы университетов. Вёлся тщательный отбор.

Вступить в женский батальон смерти могла женщина в возрасте от 16 (с разрешения родителей) до 40 лет. Медкомиссия отсеивала больных и беременных. Существовал и образовательный ценз. Так что большинство женских подразделений составляли далеко не безграмотные крестьянки, а довольно образованные по тем временам барышни и дамы. По национальности женщины-добровольцы были в основном русскими, но среди них встречались и иные национальности – эстонки, латышки, еврейки.

Временное правительство вначале обеспечивало женские батальоны мужской формой одежды. Но в ней добровольцы выглядели экзотично: в не по размеру великоватых фуражках, в гимнастёрках, подтянутых в талиях широкими ремнями, в маловатых для дамских бёдер узких штанах, в грубых сапожках на маленьких ножках.

27 мая 1917 года в газете «Русское Слово» появилось воззвание Бонкарёвой, которое начиналось словами: «Когда над матерью занесён нож, то не спрашивают, кто около – дочь или сын, а спешат спасать её». Вскоре в батальон записались около двух тысяч девушек и молодых женщин. Были крестьянки, прислуга, медоёстры, курсыстки и дворянки, некоторые из очень известных фамилий.

В обращении Московского женского союза говорилось: «Ни один народ в мире не доходит до такого позора, чтобы вместо мужчин-дезертиров шли на фронт слабые женщины. Женская рать будет тою живою водой, которая заставит опнуть русского богатыря». И правительство решило продолжить эксперимент.

Итак, к лету 1917 в русской армии появились ударные части, сформированные исключительно из женщин. Из тех, что откликнулись на призыв Бонкарёвой, только 300 прошли отбор и были отправлены на фронт.

«Уйдём и умрём...»

В советской литературе создан карикатурный образ женского батальона и его участниц. Их рисовали как легкомысленных особ, авантюристок, искательниц приключений, в том числе и сексуальных. Бросалась в глаза интеллигентность многих женщин-солдат. Многочисленные публикации и фоторепортажи рисовали их жизнь в идиллических красках, например, как в следующем интервью.

— У вас ещё продолжается запись в батальон?

— Нет, прекращена. ...Каждый день приходится проситься. Это хорошо – значит, поняли, – но всем отказ. Довольно». На вопрос корреспондентов о запасных кадрах Мария Бонкарёва ответила: «Ни к чему. Уйдём и умрём...». В июне 1917 года был объявлен приказ о формировании первой Морской женской команды. Было сформировано также два женских пехотных «батальона смерти» и несколько команд. В них вошли более трёх тысяч женщин. Всего же боевых женских формирований было десятка полтора, кроме санитарных отрядов.

Женщины становились пулемётчицами, бомбометальницами и разведчицами. Петроградская газета дала сообщение о создании в Петрограде женского конного партизанского подразделения «Отряд защиты советов», а «Русский инвалид» – заметку о создании отряда «Союз личного примера».

Боевые батальоны смерти

Оказывается, не все курсыстки шли тогда в революционеры, были и такие, кто желал послужить своему Отечеству в битве с врагом, а не с динамитом против сановников и министров.

Женский батальон шёл под знамёнами и транспарантами, на которых были лозунги: «Да здравствует Временное правительство!», «Все, кто может, в наступление!», «Вперёд, храброе женщины!», «На защиту истекающего кровью Отечества!». Он показал себя героически и понёс большие потери.

Они участвовали в патриотических демонстрациях и на Марсовом поле сошлись с дезертирами. Сначала возникла перепалка, затем потасовка, а потом и перестрелка. Сама Бонкарёва получила сильный удар по голове и оказалась в больнице. Заботу о женщинах-«добровольцах» взял на себя Союз георгиевских кавалеров. Одна из добровольцев женского батальона была сброшена с площади трамвая под колёса, и ей отрезало обе ноги. После операции она прожила только одну ночь. Расходы на похороны взял на себя женский союз «Помощь Родине».

Порядок в женских войсках

Бочкарёва заявила: «Если я берусь за формирование женского батальона, то буду нести ответственность за каждую женщину в нём. Яведу жёсткую дисциплину и не позволю им ни оравторствовать, ни шляться по улицам. Когда мать-Россия гибнет, нет ни времени, ни нужды управлять армией с помощью комитетов. Я хоть и простая русская крестьянка, но знаю, что спасти русскую армию может только дисциплина. В предлагаемом мной батальоне я буду иметь полную единоличную власть и добиваться послушания. В противном случае в создании батальона нет надобности».

Первое, что потребовала Яшка от новобранцев: «Забудьте, что вы – женщины, теперь вы – солдаты». Всё сплочение из слабого было подстрижено под машинку (наголо). Чёрные колготы с красной полосой и эмблема в виде черепа и двух скрещённых костей означали «нежелание жить, если погибнет Россия».

В первый же день Бочкарёва выгнала 30 человек, на второй – 50. Причины обывные – хихиканье, флирт с мужчинами-инструкторами, игнорирование приказов. Она понуждает женщин помнить о том, что они солдаты? и серьёзнее относиться к своим обязанностям. Несколько раз прибегает и к пощёчинам как наказанию за дурное поведение. Несмотря на жёсткую дисциплину, она пользовалась абсолютным авторитетом среди своих «солдатиков», как сами любовно называла бойцов батальона.

В парикмахерской. Стрижка наголо. Лето, 1917

Потянулась казарменная, нудная жизнь. Время шло, а время – смерть порыва. И хотя Московский женский батальон пополнялся, но другой Бочкарёвой, которая была предводителем Петербургского батальона, не нашлось – командиром этого подразделения был назначен старый полковник из запаса. Сейчас же появилась женщина-адъютант, принялась за организацию канцелярии.

В высших военных кругах сомневались в удаче женских военных батальонов. Главнокомандующий армиями Западного фронта генерал-лейтенант А.И. Деникин на ходатайстве о создании женского военного отряда в Минске написал резолюцию: «На фронт прибывает Петроградский женский легион Бочкарёвой. Нужно выждать и посмотреть, как к нему отнесутся войска. До тех пор признаю формирование преждевременным и нежелательным». Такого же мнения придерживался Верховный главнокомандующий Л.Г. Корнилов. В составленной им справке говорилось: «Дальнейшее формирование из женщин добровольцев частей чисто боевого назначения прокатить. Части уже существующие оставить пока на фронте... воспользоваться ими для охраны дорог».

Из воспоминаний М.А. Рычковой: «Многие находили и находят смешным и уродливым движение женщин 17-го года и смотрят на него как на никому не нужную жертву. Можно ли было в то время считать уродливым и неестественным какое-либо движение, когда вся жизнь у нас на Родине приняла такие уродливые формы?.. А сколько женщин загублено, опозорено за эти годы! Разве мало их погибло не на фронте, а на своей родной земле? Не лучше ли было бы и Бочкарёвой погибнуть на поле битвы, чем принять укасную, позорную смерть на Родине, которую она так любила до последней своей минуты?..».

«Вот тогда-то явилась в Москву Бочкарёва пополнить свой отряд из московских добровольцев, чтобы вести его снова на фронт. Понятно, многие пожелали посмотреть Бочкарёву и познакомиться с ней. К нам вышла небольшого роста, полная, белая миловидная женщина в форме пахотного прапорщика, довольно снобистски приняла нас, удовлетворила наше желание, рассказала кратко свою биографию, показала любопытные следы своих ранений... На желание узнать, что побудило Бочкарёву организовать женский батальон, она ска-

зала: «Я знаю, что женщина как воин ничего ценного не может дать Родине. Мы – женщины только должны показать пример солдатам-дезертирам, как нужно спасать Россию. Пусть мы все погибнем – лишь бы они понесли свой долг перед Родиной! Дайте нам больше триумфа, проводите нас с музыкой. Вот всё, что нам нужно – привлечь внимание!».

«...» Через несколько дней Бочкарева уехала со своим отрядом на фронт, но уехала не так, как хотела и просила. Стрел отправили с товарной станции далеко от центра Москвы, с пути, к которому трудно было добраться, и без всяких почестей и проводов... Чего бы не сделал и на что не пошёл бы каждый из нас, если бы мог предвидеть грядущее тогда и пережитые потом годы позора, горя, голода и слёз» (Харбин, 1933 год).

Женщина на защите Зимнего

Вместе с юнкерами женщины были последней защитой Временного правительства. 24-го октября 2-й московский женский батальон, который должен был отбыть на Западный фронт, был вызван в Петроград для участия, якобы, в параде. Батальон оказался в центре политических событий внутри страны, был в дни Октябрьского переворота в числе последних защитников Временного правительства.

Точнее, для охраны Зимнего дворца была отобрана лишь вторая рота этого батальона. Именно она охраняла Зимний дворец в роковую ночь Октябрьского переворота.

...К вечеру 25 октября гарнизон Зимнего дворца напоминал сборную солянку, а не боевую силу: казаки, юнкера и женщины с винтовками. После начала перестрелки ряды защитников стали стремительно таять. Ушли и те немногие казаки, что были в Зимнем, смущённые тем обстоятельством, что вся пехота правительства оказалась «бабами с ружьями».

Отобранных для защиты дворца женщин отделили накануне боевых действий в домовую церковь Зимнего. Вечером Зимний дворец стали обстреливать. Ударниц батальона вывели из дворца и велели идти в атаку. На бедняжек тут же обрушился град пуль, положивший их всех на землю. Ударницы продержались до десяти часов вечера, а затем также выслали своих парламентариев с просьбой выпустить их из дворца. По дороге толпа оскорбляла идущих под конвоем вольтерниц, все требовали их смерти. А в казармах с некоторыми ударницами «обращались дурно» – как установила специально созданная комиссия Петроградской городской думы: три ударницы были изнасилованы (хотя, возможно, немногие отважились признаться в этом), одна покончила с собой. Впоследствии трупы нескольких десятков сдавшихся защитниц Зимнего дворца находили в петроградских каналах.

«Бочкаревские дуры» без Бочкаревой

Маяковский в поэме «Хорошо!» писал: «Первым / Боженью одолён / явился / бабий батальон». Поэт неточен: Зимний дворец защищал другой батальон. В него вошли женщины, «забракованные» в своё время Бочкаревой за недостойное, как она считала, поведение. Мария Бочкарева, находившаяся в этот момент на фронте, не имела к ним никакого отношения. Однако устойчивый миф продолжал связывать её имя с обороной Зимнего. Кстати, изгнанная рота Бочкаревского батальона, которая охраняла Зимний дворец, на фронте никогда не была.

А.И. Деникин, наблюдавший один из женских батальонов в бою, писал: «Женский батальон... доблестно пошёл в атаку, не поддержанный «русскими богатырями». И когда разразился крошотный ад неприятельского артиллерийского огня, бедные женщины, забыв технику рассыльного строя, скались в кучку – беспомощные, одинокие на своём участке поля, взры-

лвенно немецкими бомбами. Проводили потери. А «богатыри» частью вернулись обратно, частью совсем не выходили из окопов».

Советы приняли «женские батальоны смерти» (впрочем, как и все прочие ударные части) в штыки. Большевики сразу взяли курс на поражение в войне, а после Октябрьского переворота – на немедленное заключение отдельного мира с Германией. В январе 1918 года женские батальоны были распущены, но многие их участницы продолжили службу в частях Белогвардейских армий.

Напрасные жертвы

«Мы – женщины – только должны показать пример солдатам-дезертирам, как нужно спасать Россию. Пусть мы все погибнем – лишь бы они поняли свой долг перед Родиной! Дайте нам больше триумфа, проводите нас с музыкой. Вот всё, что нам нужно – привлечь внимание!». Унтер-офицер Бочкарёва, впервые в истории русской армии, принимала из рук архиепископа боевое знамя, на котором в нарушение традиций золотом была вышита фамилия командира. Керенский произвёл Бочкарёву в офицеры, а генерал Корнилов, главнокомандующий, вручил Марии револьвер и саблю с золотыми памятным планками на рукоятке и эфесе.

27 июня 1917 года женской «батальон смерти» в составе двухсот человек прибыл в действующую армию – под Сморгонь, а те же места, где ещё недавно сражалась Бочкарёва-Яшка. Здесь многое переменялось к худшему. Главные вопросы – наступать или нет – решались не в штабах, а на митингах. Прифронтовые города кишели дезертирами. Бочкарёвский батальон придали 525-му пехотному полку. Солдаты встретили женщин наскоками и, как Мария вспоминала, «скотским поведением». Бочкарёва также вспоминала: «...никогда прежде не встречала такой оборванной, разнузданной и деморализованной шантрапы, называемой солдатами». Женский батальон представлял собой слишком резкий контраст по сравнению с этой бандой.

Бойцам-женщинам приходилось с оружием в руках оборонять свой отдельный лагерь – не от врагов, а от солдат соседних частей. Разложившиеся солдат раздражал вид дисциплинированного подразделения, да ещё из женщин. «Ха, батальон прибыл!». Когда целый корпус замитинговал – идти в атаку или не идти, – в атаку пошёл только женский батальон. Когда уже стужались сумерки, к женскому батальону подошли 75 офицеров во главе с командиром и 300 оставшихся верными присяге солдат. Они попросили разрешения у Бочкарёвой стать в строй батальона. Первая линия германских укреплений была взята. В результате атака окончилась только после того, как была захвачена вторая германская траншея. Но в ней были обнаружены и захвачены ящики со шнапсом и пивом, и пехота на радостях просто напилась.

Судьбу батальона можно назвать трагичной. Поднявшиеся в атаку женщины действительно увлекли за собой соседние роты. Была взята первая линия обороны, затем вторая, третья... Другие части не поднялись. Подкрепление не подошло. Ударники отразили несколько немецких контратак. Возникла угроза окружения. Взятые с боем позиции пришлось оставить. Жертвы батальона (30 убитых и 70 раненых) оказались напрасными. Сама Бочкарёва в том бою была тяжело контужена и отправлена в госпиталь.

Потом говорили: «Русские бабы смежи под Сморгонью две немецкие линии обороны». Батальон Бочкарёвой в течение двух дней отразил 14 атак противника и, несмотря на шквальный пулемётный огонь, несколько раз переходил в контратаки. И, понятно, нёс потери. В одном из боёв Бочкарёвой угодил в спину осколок. Она пласом пролежала в госпитале около полугода, заново училась ходить. Этот осколок Мария носила в теле до конца своих дней – вынимать его врачи не рисковали.

Мария Бочкарёва была ранена в этом бою в пятый раз. После возвращения из госпиталя была произведена в чин подпоручица. Все мирялись и братались, только Бочкарёва выставила дозоры, прочёсывала неминуемую полосу ручейным и пулемётным огнём. Она запретила в её батальоне любые советы и комитеты, любую партийную пропаганду. Женский батальон столкнулся с откровенной ненавистью солдат, не желавших воевать. А один раз Мария выстрелила в гуляющих по нейтральной полосе немецких солдат. Это вызвало такой гнев у своих, что они стали стрелять из пулемётов по Бочкарёвским позициям.

Революционный солдатский комитет предательски бросил женщин-бойцов во время атаки и приказал оставить без подкрепления в только что взятых немецких окопах. И тогда

офицеры, оставшиеся в тылу, сорвали погоны, чтобы не подчиниться этому приказу, и бросились на выручку...

Бочкарёва вспоминала: «Воды и пива было полным-полно. Половина наших людей тут же оказалась пьяными. Мои девочки вели себя безупречно. Они ушитожили по моему приказу алкоголь, но скоро уже весь полк был пьян». Женщины батальона отнимали бутылки и разбивали их.

Конец войне

Через полтора месяца она в чине подпоручика вернулась на фронт и застала ситуацию развала. 200 оставшихся в живых ударниц не могли спасти армию от разложения. Столкновения между женщинами-солдатами, желавшими победить в войне, и мужчинами-солдатами, стремившимися как можно скорее «штык в землю – и домой», грозили перерасти в гражданскую войну в отделимо взятом полку. Солдаты безжалостно расправлялись с офицерами, арестовали 137 женщин в шинелях. Ценой двадцати растерзанных девочек и жизни четырёх инструкторов-мужчин батальону удалось уйти лесами, а потом расходиться по домам мелкими группами. Некоторые из них перебрались на Дон и приняли участие в борьбе с большевизмом в рядах белого движения. Самой последней из существовавших ударных частей стал 3-й Кубанский женский батальон, расквартированный в Екатеринодаре.

Прощай, фронт!

После реформирования батальона Бочкарёва приехала в Петроград, где вместе с другими офицерами была арестована по подозрению в участии в так называемом «корниловском мятеже» и заключена в Петропавловскую крепость. Большевики отняли у неё документы и наградное оружие, но спустя некоторое время освободили её из-под стражи. Ей предложили перейти на сторону большевиков и сражаться с белогвардейцами, но она отказалась. В то время кровавый террор ещё только начинался, и Бочкарёву выпустили.

Она решила поехать домой, в Сибирь. Села в поезд и поехала в Томск, но её узнавали солдаты, кричали, что она – «корниловка», и грозились убить. Около Челябинска Мария была выброшена из вагона и повредила ногу. Домой добралась всё же живой. Дома её ожидали нищета и голод. Она и сама стала прикладываться к бутылке, но быстро спомнилась и вернулась в Петроград в начале 1918 года, так как с мирной жизни она уже не могла привыкнуть.

Бесстрашная Яшка

Она ходила в штыковые атаки наравне с мужчинами, проявляла смелость и находчивость в разведке, бесстрашие во время артиллерийских обстрелов. Несколько раз была тяжело ранена, но снова возвращалась в свой полк. Когда погиб ротный командир, Бочкарёва повела солдат в атаку и отбросила врага. «От Николая II мной получено за боевое отличие 4 степени Георгиевских крестов, 3 медали (2 серебряных и 1 золотая) за усердие». За формирование женского батальона смерти она была произведена в прапорщички, позже за боевое отличие – в подпоручики, а за держание боевого участка на фронте была произведена в поручики. Была единственной женщиной, командовавшей боевым соединением, и единственной в русской истории женщиной-кавалером четырёх Георгиевских крестов.

У Марии был необыкновенно преданный ангел-хранитель, он берёт её во всех смертельных ситуациях. И замерзала в окопе, и

вдыхала отравляющие газы, и была пять раз ранена, и даже ранена тяжело (в позвоночник) – заново училась ходить. И как офицера большевики могли её расстрелять, но не расстреляли. Сто раз, наверное, была арестована – и освобождалась.

После того как Мария наотрез отказалась сотрудничать с новыми властями, её обвинили в сношениях с генералом Корниловым, дело чуть было не дошло до трибунала. Мнения чекистов разделились: один, более образованный, хотел провести расследование, другой хотел самолично её расстрелять, остальные члены комитета занимали нерешительную позицию.

Но, когда расстрел уже должен был состояться, среди комитетчиков оказался солдат, которому Бочкарёва когда-то спасла жизнь: вытащила его, раненого, с нейтральной полосы. Он узнал её среди расстреливаемых, удивился: «Это ты, Яшка?» – и заступился. Фамилию её солдат не знал. Бочкарёву отправили в Москву для расследования. А там среди чекистов тоже нашлись однополчане, после проведения расследования её отпустили, выдав охранную бумагу.

Чаша её жизни совсем чуть-чуть перевесила чашу смерти, когда она ехала на юг к Корнилову. В легенду о том, что она едет в Кисловодск на лечение, не поверили. Её снова арестовывают и вместе с офицерами-мужчинами ставят к стене. Но Яшка бежит из-под ареста. Когда она ехала домой в Томск, её выкинули из вагона, она упала в снег рядом с рельсами и, к счастью, лишь повредила ногу.

Бывали и забавные происшествия. Например, когда Бочкарёва в солдатской форме явилась в женскую баню – вот взгля-то было! При выписке из госпиталя Бочкарёва успешно прошла военно-медицинскую комиссию. Об этом эпизоде она рассказала так: «На общем построении мобилизованных перед членами комиссии я немедленно разделась по соответствующей команде. «Женщина!» – вырвалось из пары сотен плеток. Члены комиссии буквально онемели от удивления.

– Что за чертовщина?! – вскричал генерал. – Зачем вы разделась?

– Я солдат, ваше превосходительство, и исполняю приказы, – ответила я.

– Ну хорошо, хорошо. Поторопитесь одеться, – последовал приказ.

– А как же осмотр, ваше превосходительство? – заинтересовалась я, надевая свои вещи.

– Всё в порядке. Вы прошли...»

Эпатаж? Нет, просто год на фронте в окружении мужчин заметно притупил её стыдливость. Ещё один пример личной ответственности Яшки за то, что происходит вокруг неё. Тридцать девочек её батальона не выдержали условий войны. По её воспоминаниям, «плетеро из них получили контузии и были истеричными или сумасшедшими, многие же другие страдали нервыми расстройствами». У этих женщин не было ни родственников, ни дома. Этим девушкам Мария взяла с собой в Сибирь. В Америке, помимо денег на интервенцию, она просила денег и на их содержание.

...Когда Мария появилась в союзническом штабе, американские и британские офицеры, вспоминая о тех встречах, отзывались о ней нелицезно: она курила «пачками сигарет», жевала табак, докучала, показывая всем свои шрамы от ранений, и называлась «не меньше мужика». В предисловии к русскому изданию книги «Яшка», составленной по воспоминаниям самой Бочкарёвой, зафиксировано восприятие Марии иностранными офицерами: «Её широкое безобразное рябое лицо и коренастая фигура выдавали восточное происхождение» (Бочкарёва М. Яшка. Моя жизнь крестьянки, офицера и изгнанницы. М., 2001).

Стрелять в своих...

Большевистские лидеры предложили ей сотрудничество с новой властью, но Бочкарёва отказалась. «Я боевого дела во время Гражданской войны не принимаю», – так сказала она в Смольном, где её убеждали, что она должна встать на защиту власти трудящихся. «Вы приведёте Россию не к счастью, а к гибели», – заявила она вождям советской власти. Её отпустили с документами и билетом до Томска. Ленин даже принёс ей извинения за арест.

Она, сибирячка, хотела помочь Колчаку и тем поддержать белое движение за сохранность России. Но адмирал, верховный правитель, чем-то разочаровал её. Возможно, Мария Леонтьевна инстинктивно чувствовала, что и красные, и белые хотят использовать её авторитет в своей непонятной игре.

«Белые» всё-таки ближе

Из протокола её допроса: «большевиков я считала своими врагами и врагами родины». Следователь записал в протоколе допроса Марии: «Она старается выгледеть как мученица за идеал справедливости, в действительности являясь другом империалистов и капиталистов». Дома, в Томске, она побывала недолго. Её вызвал телеграммой в Петроград генерал Аносов, бывший председатель Георгиевского комитета, причастный к созданию женского батальона смерти. От имени подпольной офицерской организации он просил Бочкарёву выполнить особое поручение: пробраться на юг к генералу Корнилову, который уже сформировал добровольческую армию на Дону, установить с ним связь, выяснить его возможности и планы.

Мария получила документы на имя Александры Самаровой и одежку сестры милосердия. Облечившись в наряд сестры милосердия, она поехала на юг. Как прикрытия она везла с собой письмо от бывшей служивцы, княжны Тутавой, с приглашением отдохнуть и подлечиться на Кавказе. В Новочеркасске она передала Корнилову письма и документы. Совершив опасное путешествие, она передала Корнилову личные наблюдения – сведения о готовящемся наступлении красных. Она ожидала от генерала боевого задания. Корнилов предложил Яшке остаться в его частях, но она отвергла его предложение, объяснив нежеланием стрелять в собственный народ. Генерал Корнилов велел ей с небольшой делегацией отправиться в Англию и Америку, чтобы добиться помощи в борьбе с большевиками. Бочкарёва согласилась.

На обратном пути она была схвачена как шпионка, чудом избежала немедленной казни, была переправлена в Москву. Везде она твердила одно: я, мол, неграмотная крестьянка, солдат германской войны, вся израненная, еду домой на излечение. Наводили справки о ней в Томске, продержали два месяца, потом освободили. После этого Мария вернулась в Томск, взяла с собой сестру – девочку 15 лет, с которой поехала во Владивосток с целью пробраться в Америку. Облечившись снова в наряд сестры милосердия, прошла всю Россию до Владивостока.

Всё-таки Бочкарёва встала на сторону белых. Но решила помочь Белому движению другим путём. Она пробралась через оккупированную гражданской войной Россию, чтобы совершить агитационную поездку в США и Англию – просить помощи для борьбы с большевистской властью.

По приезде во Владивосток Мария обратилась к консулу за получением средств для поездки с сестрой в Америку, а после получения их выехала на пароходе в Америку, а из Америки – в Англию, а из Англии – в Архангельск.

3 апреля 1918 года Мария Бочкарёва сошла на берег в порту Сан-Франциско. Её появление в военной форме с крестами и медалями произвело фурор. Для неё открылись двери домов многих высокопоставленных лиц. Она встречалась с министром обороны и государственным секретарем США. Здесь же она надиктовала свои воспоминания одному из бывших соотечественников. О ней писали местные газеты. В русской эмигрантской прессе на первых полосах появлялись заметки о ней.

Мария рассказала президенту США о страданиях русского народа и просила помочь России. Президент, рассказывая, был очень растроган и пообещал сделать все возможное. «Когда Вудро Вильсон заинтересовался, кто прав и кто виноват в России, то я ему сказала, что я слишком мало разбираюсь в этом вопросе и боюсь попасть в ложное положение», – вспоминала Мария впоследствии.

Вот протокольная запись: «Бочкарёва начала свой рассказ довольно сухо; внезапно перешла к описанию страданий русского народа, причём языком, подробным сканущей лошади. Она с трудом дождалась перевода своих слов на английский. Выражение её лица постоянно менялось».

Из США Бочкарёва отправилась в Англию на борту американского военного транспортного корабля и со слезами на глазах разговаривала с американскими солдатами. В Лондоне её принял тогдашний военный министр Уинстон Черчилль, а затем удостоил аудиенции король Георг V. Всех их Мария упрашивала, уговаривала оказать помощь Белой армии деньгами, оружием, продовольствием, и все ей эту помощь обещали. «Король предложил мне сесть, сел против меня. Король спросил, к какой партии я принадлежу и кому верю; я сказала, что я ни к какой не принадлежу, а верю только генералу Корнилову. Король мне сказал новость, что Корнилов убит; я сказала королю, что я не знаю, кому теперь верить, и в гражданскую войну я воевать не думаю».

Бонкарёва встречалась не только с президентом США и королём Великобритании, она также надиктовала свои мемуары американскому журналисту Исааку Левину (эмигрировавшему из Одессы). Мемуары вышли в свет под названием «Яшка».

Яшка вернулась в Россию, в Архангельск, на борту американского транспортного судна с оружием и боеприпасами. Север России был под властью Временного правительства. Там стоял и англо-американский экспедиционный корпус Антанты, готовый выступить против Советов.

Яшка вновь выступила с инициативой организации женского батальона. Когда она явилась к командующему Архангельским фронтом генералу Мурашевскому, тот предложил ей сформировать здесь маленькую боевую добровольческую ичейку, но не женскую, а мужскую. Яшка ответила, что боевого дела во время гражданской войны не принимает. Генерал велел её арестовать, но её адъютант поручик Филиппов тут же переговорил с английским генералом, и тот сказал, чтобы Марию не арестовывали.

В июле 1919 года Советным правительством была снаряжена морская экспедиция в Карское море. Генерал-губернатор приказал предоставить Бонкарёвой бесплатный проезд на пароходе до Оби и выдать денежные средства. Из Архангельска курсом на восток вышел караван судов. В трюмах кораблей – оружие, боеприпасы и амуниция для колчаковских войск. На одном из кораблей – Мария Бонкарёва. Её цель – Омск, её последняя надежда – адмирал Колчак.

Но когда, не достигнув Тобольска, экспедиция прибыла в город Берёзов, то пришла телеграмма, что Тобольск захит советскими войсками. Тогда половина экспедиции направилась в Красноярск, а другая половина – в Томск. Мария поплыла со второй половиной экспедиции на Томск. В дороге она пробыла три недели. Уже при подходе к Томску экспедиция встретилась с кораблём, на борту которого находился британский офицер, знавший Марию с 1917 года. В его воспоминаниях сохранились строки об этой встрече: «Фактическим руководителем русской экспедиции был военно-морской офицер Котельников, прибывший сюда раньше нас... С ним была известная Яшка Бонкарёва – полная энергичная женщина, организатор Женского батальона смерти, в отличие от остальных сохранявшая в себе прекрасное настроение и бодрость духа, готовая на любую работу». 19 октября экспедиция прибыла в Томск. Но родители Марии были в бедственном положении. Жить было не на что. Проявив дома одну неделю, Мария выехала в Омск.

С Колчаком

Приехав в Омск, Яшка явилась к дежурному генералу, у которого стала просить отставку и пенсию как командир батальона. Тот доложил о ней Колчаку. 10 ноября в Омске в белокаменном дворце, что на берегу Иртыша, состоялась ее встреча с Верховным правителем России. Адмирал произвёл на Бонкарёву сильное впечатление, она поверила в силы Колчака, как в своё время верила только Корнилову.

«Я вошла в кабинет Колчака и там увидела: Колчак всё разговор с генералом Голицыным – главнокомандующим добровольческими отрядами. Когда я вошла, то Колчак и Голицын оба встали и приветствовали меня и сказали, что обо мне много слышали и предложили сесть. Колчак стал мне говорить: Вы просите отставку, но такие люди, как Вы, сейчас необходимо нужны. Я Вам поручаю сформировать добровольческий женский санитарный отряд... Он говорил, что у нас много тифозных и раненых, а рук, которые бы ухаживали за больными, – нет. Я надеюсь, что Вы это сделаете. Я предложение Колчака приняла».

Эту работу Мария вела всего пять дней до эвакуации Омска. 11 ноября уже были распущены по всему Омску эшелоны с извещением, что приехала известная организаторша добровольческих отрядов поручик Бонкарёва из Архангельска и что она будет сегодня в театре «Гигант» выступать с призывом к женщинам, чтобы формировать женский добровольческий санитарный отряд. Мария сама за эти дни наклеила объявлений несметное количество по всем заборам «сибирской столицы».

Но она прибыла к Колчаку слишком поздно: белогвардейский фронт трещал и капился на восток. Вскоре Колчак под ударами Красной Армии покинул столицу «белой Сибири».

Страшным было разочарование Яшки, когда она узнала, что при быстром отступлении Колчак бросил на путях эшелоны с ранеными, большинство из которых погибло. Рассказ Марии на допросе: «Я верила в Колчака и в его правоту, а поэтому не осталась в советской

России. Позже я во всем разубедилась и решила бросить всю службу, и считала, что глубоко ошибалась. Я окончательно разочаровалась в Колчаке и дала слово, что больше ничего не буду делать в пользу Белых»; «На станции Болотной стоял поезд Колчака и Сахарова, я пошла в этот поезд, но меня ни Колчак, ни Сахаров не приняли, и я поехала на станцию Тайга, где добивалась вновь увидеть Колчака и разъяснить свой положение. Но я Колчака не видела, а Сахарова на станции встретила. Он мне сказал, что ему сейчас не до меня, и сказал, что бы я ехала куда приказано, но я поехала в Томск».

Мария не ушла с отступающими войсками, вернулась в Томск. Но слишком одиозна была ее слава. Люди, принимавшие гораздо менее активное участие в Белом движении, расплывались за это своими жизнями. Что уж говорить о Бочкарёвой, имя которой неоднократно мелькнуло на страницах газет.

В Томске Мария явилась в городскую комендатуру на регистрацию, сдала револьвер и выразила готовность служить народу. Комендант отказался от услуг Бочкарёвой и взял с неё подписку о невыезде. Но через несколько дней, в рождественскую ночь 1920 года, в храме во время праздничной службы Бочкарева была взята под стражу чекистами и посажена в тюрьму. В томской тюрьме она заболела тифом. Разбирательство затянулось на 4 месяца. Следственное дело Марии Леонтьевны Бочкарёвой сохранилось архиве Управления ФСБ по Омской области.

Сохранилось заявление-донос её сокамерницы: «...Заклѳченная в тюрьме Бочкарѳва передавала письма на свободу посредством надзирательницы... и притом же Бочкарѳва говорит – умру за Колчака». В заключении к окончательному протоколу её допроса от 5 апреля 1920 года следователь отменял, что «преступная деятельность Бочкарѳвой перед РСФСР следствием доказана... Бочкарѳву как непримиримого и злейшего врага рабоче-крестьянской республики полагаю передать в распоряжение начальника особого отдела ВЧК 5-й армии». Это означало – расстрел.

Возможно, Мария стала жертвой своего тщеславия: приехав из Архангельска в Томск, она дала интервью местной газете, в котором рассказала о секретной поездке к Корнилову, о своей зарубежной миссии. Одного этого материала было достаточно, чтобы вынести обвинение. А были и другие свидетельства. Особый отдел 5-й Армии вынес постановление: «Для большой информации дело, вместе с личностью обвиняемой, направить в Особый отдел ВЧК в г. Москву». Постановлением ВЦИК и СНК смертная казнь в РСФСР была отменена. И всё же чаша весов её жизни «сннулась в сторону смерти».

В Сибирь прибыл заместитель начальника Особого отдела ВЧК Павлуновский, наделѳнный Дзержинским чрезвычайными полномочиями. Представитель Москвы написал краткую резолюцию: «Бочкарѳву Марию Леонтьевну – расстрелять». На обложке уголовного дела была сделана приписка: «Исполнено пост. 16 мая». Так, в возрасте 31 года погибла эта замечательная женщина-патриот.

9 января 1992 года в соответствии с законом РСФСР от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий» Мария Бочкарѳва реабилитирована. Через 70 с лишним лет после вынесения приговора.

Ныне на малой родине Марии Бочкарёвой, в Томске, краеведы выражают справедливое мнение о необходимости увековечить память замечательной землячки. Получит ли это предложение поддержку властей?

Очередное счастливое спасение?

Итак, Мария Бочкарѳва была реабилитирована. Но в заключении прокуратуры России о реабилитации сказано, что свидетельства её расстрела не имеется. И, судя по тому, что последние листы дела перенумерованы, в нём находился документ (не отравлѳнный в смысле), что Мария расстреляла. Абсолютной уверенности в том, что приговор был приведен в исполнение, сегодня нет. По одним данным М.Л. Бочкарѳва была расстреляна, по другим её следы затерялись.

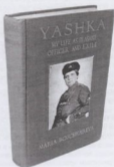
Первым, кто записал рассказ о превратностях жизненных коллизий Бочкарёвой, был Исмак Дон Леонн (1892-1958). Книга заканчивается воспоминаниями Марии по пути в Соединѳнные Штаты летом 1918 года. А историк Сергей Дроков пишет: «Я имею право гордиться тем, что являюсь биографом русской Жанны Д'Арк – организатора женского батальона смерти Марии Леонтьевны Бочкарѳвой, этой женщины-героя. Вся дальнейшая её биография до 1920 г. ... воссоздана мною». Предположение Дрокова: Мария, якобы, бежала в Хар-

бин, город, ставший столицей восточной русской эмиграции. Там она вышла замуж за однополчанина и сменила фамилию.

Бочкарёва будто бы проживала на КВЖД, пока не разделила участь русских семей, которых насильственно депортировали в советскую Россию. Или всё же расстреляна в 20-м году? Как бы то ни было, новая власть предала её имя забвению.

Иваны, родство помнящие ...

Мария была малограмотной, но рассказывать умела живописно, с многочисленными подробностями. Её 100-часовой рассказ журналист превратил в текст увлекательной книги, изданной на английском языке в 1919 году. Книга вышла одновременно в Нью-Йорке и Лондоне и была переведена на несколько языков. Эту книгу читали Вудро Вильсон, Теодор Рузвельт, Троицей, Уинстон Черчилль, король Англии Георг V, Долорес Ибаррури и многие другие политические деятели. У нас же «Яшка» долгие годы лежал в спецхранах библиотек.

В Петербурге снимается фильм о Бочкарёвой и ударницах Батальона смерти. Выход фильма «Батальон смерти» планируется в 2014 году. Картина рассказывает о подвиге отряда женщин, созданного в Санкт-Петербурге по приказу Временного правительства для поднятия боевого духа армии. Бочкарёва стояла, выражаясь языком справочников, у истоков женского военного движения в России.

По страницам печати до сих пор кончат утверждения, что во главе своего батальона она обороняла Зимний дворец. Наконец, совсем удивительно звучат заявления, что на самом деле Марии удалось каким-то чудом избежать расстрела, найти свою новую любовь, а умерла она, оказывается, только после Второй мировой войны. Как тут не вспомнить многочисленные «свидетельства» о спасении семьи Николая III!

Да, у войны не женское лицо. Эта истина не требует особых объяснений. Однако в истории России был уникальный случай, когда в лицо смерти на поле брани смотрели именно женщины. В боевых действиях участвовал только 1-й Петроградский батальон Бочкарёвой.

История этой жуткой войны знакомит нас и с легендарной женщиной, которую европейцы называли русской Жанной д'Арк. Эта женщина-легенда заслуживает памятника на её малой родине.

*Галина Колосова-Мошкина,
член Союза журналистов РФ*